

ИЗДАНИЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Н. И. Каръевъ.

ЧѢМЪ БЫЛА
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

1871 года?

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1917.

48203 кар. чет. изд. - 100

Съ именемъ Парижской Коммуны 1871 г., какъ принято обозначать вооруженное возстаніе Парижа, начавшееся 18 марта этого года и подавленное въ двадцатыхъ числахъ мая, соединено много разныхъ легендъ, до сихъ поръ еще находящихъ вѣру въ людяхъ, звучащихъ о данномъ движеніи по наслышкѣ, и одно очень крупное недоразумѣніе. Поводъ къ этому недоразумѣнію даетъ сходство словъ «коммуна» и «коммунизмъ», равно какъ стоящихъ въ связи съ ними названій „коммунары“ и «коммунисты». Многимъ кажется, что Парижская Коммуна 1871 г. была попыткою осуществленія коммунистическаго строя, основаннаго на общности имущества, т.-е. на уничтоженіи частной собственности, и что „коммунары“ являются только другимъ обозначеніемъ «коммунистовъ», т.-е. сторонниковъ только что указаннаго социальнаго строя. На самомъ дѣлѣ смыслъ слова „коммуна“ совсѣмъ другой, не имѣющій ничего общаго съ уничтоженіемъ частной собственности или съ общеніемъ имущества, хотя у обоихъ смѣшиваемыхъ словъ одинъ и тотъ же корень.

Терминомъ «коммуна» во Франціи обозначается каждая городская-или сельская община и въ территориальномъ смыслѣ, и въ смыслѣ совокупности всѣхъ гражданъ cadaго населеннаго мѣста. Вся страна со времени великой революціи конца XVIII в. дѣлится на области, называющіяся департаментами, а послѣднія на отдѣльныя коммуны, и Парижъ, столица Франціи, въ этомъ отношеніи является лишь одною изъ тридцати пяти тысячъ муниципальных общинъ, насчитывающихся въ странѣ. Съ другой стороны, однако, названіе „коммуны“ еще въ эпоху великой французской революціи было перенесено на мѣстный органъ самоуправленія, на генеральный совѣтъ коммуны, или, выражаясь по-русски, на Парижскую городскую думу, образовавшуюся революціоннымъ путемъ 10 августа 1792 г., когда во Франціи произошло крушеніе монархіи. Каждый, знакомый съ исторіей эпохи, знаетъ, что тогда Парижская городская дума стремилась сдѣлаться центральнымъ правительствомъ Франціи и прямо вступала въ борьбу съ народнымъ представителемъ-

ствомъ, какъ въ послѣднія недѣли законодательнаго собранія, такъ и въ первые два года конвента. Когда говорятъ о Парижской Коммунѣ 1871 г., имѣютъ въ виду именно возвращеніе парижскаго муниципальнаго самоуправленія къ той политической позиціи, какую оно занимало въ 1792—1794 годахъ.

Въ эти бурные годы французской исторіи создалась цѣлая теорія, стремившаяся оправдать захватъ власти Парижемъ надъ всею Франціей. Столичные граждане готовы были видѣть въ себѣ «естественныхъ представителей» всѣхъ 83 департаментовъ, на которые раздѣлялась республика,—и потому брали на себя задачу спасенія отечества отъ внѣшнихъ враговъ и республики отъ враговъ внутреннихъ путемъ сосредоточенія въ рукахъ своей Коммуны сильной центральной власти, видя притомъ въ отстаиваніи мѣстной свободы пагубный федерализмъ. Это была основная идея партіи якобинцевъ, которая, при помощи своего клуба, опиравшагося на цѣлую тысячу филиальныхъ отдѣленій въ департаментахъ, была однимъ изъ главныхъ организаторовъ диктатуры Парижа надъ страной. Традиція такого пониманія роли столицы въ жизни націи возродилась во Франціи въ серединѣ XIX вѣка, и именно эта идея вдохновляла очень и очень многихъ вождей и дѣятелей 1871 г., коммунаровъ. Это былъ чисто политическій лозунгъ, не заключавшій въ себѣ еще никакого соціальнаго содержанія.

Въ 1793 г. якобинцы, какъ извѣстно, низвергли другую республиканскую партію, жирондистовъ, обвинивъ ихъ въ томъ, что они стремятся расчленивъ Францію на отдѣльныя республики: этотъ „федерализмъ“ въ глазахъ якобинцевъ былъ величайшимъ политическимъ преступленіемъ передъ единой и нераздѣльной республикой“. Но среди сторонниковъ Коммуны 1871 г. были послѣдователи не только якобинцевъ, но и жирондистовъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что они отказывались отъ власти Парижа надъ всею страной. Ихъ идеаль можетъ быть обозначенъ словомъ «коммунализмъ»: они хотѣли, чтобы Парижъ былъ автономной республикой, но чтобы и всѣ другія коммуны Франціи были также автономны, а вся страна превратилась въ федерацію на швейцарскій образецъ. Можно сказать, что обѣ крайнія фракціи коммунаровъ сходились на требованіи для Парижа наибольшей независимости отъ общенациональной власти и расходились лишь въ пониманіи роли своего города, съ одной точки зрѣнія, какъ царствующаго града въ прямомъ смыслѣ слова, съ другой же точки зрѣнія—какъ одной изъ многихъ другихъ, подобныхъ же автономныхъ

коммунъ. Между этими двумя противоположными позиціями былъ рядъ переходныхъ позицій, объединявшихся одинаковымъ недовѣріемъ къ общенациональной власти и стремленіемъ къ наибольшей мѣрѣ мѣстной свободы.

Многіе дѣятели Коммуны несли далѣе ряда разныхъ политическихъ требованій демократическаго характера, но другіе въ новомъ строѣ, къ которому стремились, видѣли лишь средство для осуществленія ряда требованій соціального содержанія. Однако, изъ того, что Коммунѣ ставились соціальныя задачи, отнюдь не слѣдуетъ думать, что всѣ коммунары, добивавшіеся улучшенія матеріальныхъ условій быта народной массы, были социалистами. Коммуна 1871 г. далеко не была цѣликомъ социалистическою, да и тѣ социалисты, которые въ ней играли какую-либо роль, далеко не сходились между собою въ пониманіи соціальной цѣли Коммуны.

Одною изъ легендъ, которыми съ самаго начала стала обростать исторія Коммуны, было представленіе, будто первенствующую и руководящую роль въ самомъ ея возникновеніи и всемъ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ играло возникшее съ 1864 г. «Международное Общество Рабочихъ», болѣе извѣстное подъ названіемъ Интернационала. Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка этой организаціи, едва начавшей существовать, приписывалось значеніе, какого она въ то время совсѣмъ не имѣла. Въ ней видѣли опасный центральный органъ всесвѣтной революціи, обладающій громадными денежными средствами и вліятельными связями въ политическомъ мѣрѣ, и думали, что тайные агенты Интернационала вездѣ устраиваютъ заговоры, организуютъ стачки и т. п. На самомъ дѣлѣ ближайшею цѣлью Интернационала была организація экономической борьбы труда съ капиталомъ, и вожди его предостерегали рабочихъ отъ всякихъ рискованныхъ революціонныхъ предпріятій. Инициатива Коммуны вовсе не принадлежала Интернационалу, а когда движеніе началось и въ немъ приняли участіе нѣкоторые члены организаціи, они во многихъ случаяхъ держались отдѣльно, въ общей дѣятельности никогда не составляли большинства и во всякомъ случаѣ не оказывали большого вліянія на принимавшіяся вождями Коммуны рѣшенія. Что касается до денежныхъ средствъ, какими располагалъ Интернационалъ, то онѣ были до-нельзя незначительны: его генеральный совѣтъ затруднялся иногда, на какія средства печатать свои публикаціи. У страха попросту были глаза велики, и если у дѣятелей Интернационала не было желанія опровергать розсказней о

могущество этой организаціи, то противники его, съ своей стороны, охотно хватались за все, что только могло подчеркнуть социальную опасность, какую установленному строю грозила эта социалистическая организація. Возстаніе Парижской Коммуны, въ которомъ приняло участіе нѣкоторое количество членовъ Интернаціонала, дало правительствамъ подходящій поводъ для разныхъ репрессивныхъ по отношенію къ нему мѣръ.

Первый Интернаціоналъ, какъ извѣстно, объединился на почвѣ «Коммунистическаго Манифеста», составленнаго Марксомъ и Энгельсомъ въ концѣ 1847 и началѣ 1848 г., но не то, что въ немъ было названо «коммунизмомъ», составляло социалистическіе лозунги коммуны 1871 года. Среди коммунаровъ-социалистовъ были послѣдователи разныхъ направленій французскаго происхожденія, между прочимъ, Бланки и Прудона. Взятая поэтому и съ социальной своей стороны, Коммуна была явленіемъ сложнымъ, но самое главное, это — то, что движеніе было вызвано не какою-либо агитаціей, а самою жизнью, событиями 1870 и 1871 годовъ.

Когда 4 сентября 1870 г. въ столицу Франціи пришло извѣстіе о разгромѣ французской арміи при Седанѣ и о плѣненіи нѣмцами самого императора Наполеона III, на улицахъ Парижа народомъ была провозглашена республика, и въ тотъ же день къ только-что образовавшемуся временному правительству явились делегаты отъ рабочихъ организацій съ разными пожеланіями, среди которыхъ были немедленные выборы въ муниципальный совѣтъ, сформированіе національной гвардіи, передача выборнымъ функций префектуры полиціи и т. п. Правительство ограничилось неопредѣленными обѣщаніями, а на другой день своею властью назначило мэровъ и ихъ товарищей для отдѣльныхъ округовъ Парижа. Огвѣтомъ на это со стороны рабочихъ было образованіе „Центральнаго республиканскаго комитета двадцати округовъ“, объединившаго мѣстные комитеты всѣхъ районовъ столицы. Къ серединѣ сентября эта организація предложила правительству издать указъ о поголовномъ вооруженіи гражданъ съ правомъ выбирать начальниковъ, объ обезпеченіи квартирами жителей города и о передачѣ государству предметовъ первой необходимости для распредѣленія между гражданами съ послѣдующимъ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Эти пожеланія станутъ для насъ понятными, если мы вспомнимъ, что 19 сентября началась осада Парижа нѣмцами, продолжавшаяся потомъ четыре съ половиною мѣсяца. Для парижанъ наступили трудныя времена: зима была холодная, съѣст-

ныхъ припасовъ было очень мало, грозила голодовка, и въ довершеніе бѣдъ Парижъ подвергся бомбардировкѣ. Все это напрягало нервы населенія до послѣдней крайности, что выразилось и въ прессѣ, и въ клубахъ, и на митингахъ, гдѣ на разные лады критиковались дѣйствія военныхъ и гражданскихъ властей. Отъ генерала Тропю, стоявшаго во главѣ вооруженныхъ силъ Парижа, населеніе требовало, чтобы онъ велъ армію и національную гвардію въ бой, но онъ не вѣрилъ въ успѣхъ борьбы съ болѣе сильнымъ врагомъ и не предпринималъ рѣшительныхъ дѣйствій, и парижане были этимъ недовольны. Равнымъ образомъ были они недовольны и тѣмъ, что правительство не торопилось съ муниципальными выборами. Народные ораторы и дѣятели комитетовъ обвиняли представителей власти, что они губятъ отечество, и извѣстія о военныхъ неудачахъ поселяли подозрѣніе въ томъ, что генералы измѣняютъ. 8 и 31 октября недовольными сдѣланы были двѣ попытки силою низвергнуть правительство. 31 числа явсургенты даже овладѣли Ратушей и выбрали было новое правительство, но были оттуда удалены и частью арестованы. Третья такая же попытка была сдѣлана въ двадцатыхъ числахъ января 1871 г., вызванная прїѣздомъ въ Парижъ Тьера, съ разрѣшенія германскихъ властей, для переговоровъ о мирѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, состоялось согласіе правительства на капитуляцію Парижа (28 января) и на переговоры о мирѣ. Парижское войско должно было выдать оружіе и остаться въ городѣ въ качествѣ военнопленныхъ, а городъ заплатить громадную контрибуцію, но получилъ право ввозить съѣстные припасы. Населеніе столицы было очень взволновано всѣмъ этимъ и одно время даже думало оказать вооруженное сопротивление вступленію пѣмцевъ въ Парижъ, тоже бывшему въ числѣ условій капитуляціи, а тутъ еще стали приходиться новыя извѣстія, раздражавшія доведенное до крайней нервности населеніе.

Миръ съ Германіей, отторгавшій отъ Франціи двѣ провинціи (Эльзасъ и Лотарингію) и налагавшій на нее контрибуцію въ пять миллиардовъ франковъ, долженъ былъ быть утвержденъ французскимъ народнымъ представительствомъ, каковое и было созвано 12 февраля въ Бордо. Въ національное собраніе 1871 г. явилось послѣ выборовъ консервативное большинство (около 400 монархистовъ изъ 730 депутатовъ), которое рѣшило заключить ненавистный для Парижа миръ, объявило, что не считаетъ республику окончательною формою правленія для Франціи, и постановило перенести свои засѣданія не въ Парижъ, а въ

Версаль. Далѣ, если на время осады города нѣмцами всѣ платежи по найму квартиръ и по долговымъ обязательствамъ были отсрочены, то теперь національнымъ собраніемъ вслѣдствіе такия отсрочки были отмѣнены, несмотря на разныя просьбы продлить отсрочки до того времени, когда дѣла войдутъ въ обычную колею. Это усилило недовольство парижанъ, громадное большинство которыхъ было въ самомъ печальномъ матеріальномъ положеніи. Въ городѣ царила безработица, и многіе граждане жили на жалованіе въ полтора франка въ сутки за службу въ національной гвардіи. Национальное собраніе, вдобавокъ ко всему, рѣшило отнять у населенія и эту субсидію. Въ то же время власти боролись съ оппозиціоннымъ настроеніемъ гражданъ: на основаніи осаднаго положенія, закрыты были многія газеты, а участники сраженія 31 октября, услѣдившіе, впрочемъ, скрыться, были приговорены къ смертной казни.

Вотъ среди какиихъ обстоятельствъ родилась мысль о Коммунѣ, какою послѣдняя была при первой республикѣ, когда приходилось тоже спасать Францію отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, въ томъ числѣ отъ разныхъ предателей и изменниковъ, которыхъ населеніе видѣло въ самомъ національномъ собраніи. Наиболѣе горячія головы мечтали даже о возобновленіи войны и объ изгнаніи пруссаковъ за Рейнъ. Населеніе Парижа было вооружено и хотѣло остаться въ этомъ положеніи, но правительство желало какъ разъ противнаго. Въ концѣ февраля, въ годовщину революціи 1848 г., національная гвардія устроила грандіозную демонстрацію съ протестомъ противъ разоруженія, а ея центральный комитетъ объявилъ, что разоруженію будетъ оказано сопротивленіе. Между прочимъ, у національной гвардіи было въ распоряженіи четыреста пушекъ, которыя она заблаговременно вывезла изъ той части города, гдѣ должны были пройти нѣмцы. Рабочіе считали эти пушки своими, такъ какъ онѣ были сооружены на подписныя деньги, и принадлежность пушекъ отдѣльнымъ батальонамъ національной гвардіи была отмѣчена на самихъ орудіяхъ. Помѣщены всѣ онѣ были въ двухъ рабочихъ кварталахъ Парижа.

Глава исполнительной власти, выбранный національнымъ собраніемъ, старый политическій дѣятель Тьеръ предписалъ забрать эти пушки въ ночь съ 17 на 18 марта, но мѣстное населеніе оказало этому сопротивленіе. Въ одномъ мѣстѣ сами солдаты перешли на сторону народа и даже разстрѣляли двухъ бывшихъ съ ними генераловъ. Тьеръ тогда рѣшилъ покинуть Парижъ и предложилъ сдѣлать то же министрамъ, крупнымъ

чиновникамъ и генераламъ. Парижъ былъ теперь въ полной власти возставшихъ, что получило названіе „революціи 18 марта“, и по мѣрѣ того, какъ развивались событія, столицу стали покидать представители крупной буржуазіи, а впоследствии ее оставляли также и ремесленники, мелкіе торговцы и т. п., и хозяевами города все болѣе и болѣе дѣлались одни рабочіе. Всѣ власти и войска находились въ Версалѣ, отстоящемъ отъ Парижа верстъ на восемнадцать, и между обоими лагерями начались переговоры, главное участіе въ которыхъ принимали мэры двадцати округовъ Парижа и парижскіе депутаты національнаго собранія, оставленные правительствомъ въ городѣ для управленія имъ. Обѣ стороны обращались къ жителямъ съ воззваніями, принимавшими все больше и больше полемическій характеръ. Примирительныя попытки ни къ чему не привели, а полемика только разжигала страсти. Когда однажды „друзья порядка“ устроили было свою уличную манифестацію, въ демонстрантовъ было сдѣлано два ружейныхъ выстрѣла залпомъ, причемъ были убиты и ранены. Многіе послѣ этого не считали безопаснымъ оставаться въ Парижѣ.

Выборы въ муниципальный совѣтъ (въ „коммуну“) произошли въ концѣ марта. Всѣхъ голосовавшихъ было около 230 т. человекъ, составъ же коммуны получился довольно пестрый: въ числѣ ея членовъ было 15 сторонниковъ Тьера, 6 повлонниковъ Гамбетты, 8 послѣдователей стараго революціонера Бланки, 17 членовъ Интернационала, остальные безъ рѣзкой партійной фізіономіи. Позднѣе изъ коммуны ушли болѣе умѣренные члены, что не сдѣлало ея составъ болѣе однороднымъ. Всѣхъ революціонно настроенныхъ членовъ объединяла ненависть къ „версальцамъ“, но цѣли движенія разными людьми понимались разнo. Здѣсь были и политическіе радикалы, настроенные какъ централистически, такъ и федералистически, но одинаково далекіе отъ какихъ-либо социалистическихъ идей, и просто патріоты, не задававшіеся никакими планами государственнаго переустройства, а только желавшіе спасти отечество и республику, и авантюристы, преслѣдовавшіе чисто личныя цѣли, и социалисты разныхъ направленій. Въ массѣ рядовыхъ коммунаровъ были особенно популярны нѣкоторые лозунги въ родѣ отдѣленія церкви отъ государства, замѣны постоянной арміи народной милиціей и т. п., но не ради достиженія всего этого, равно какъ не ради введенія восьмичасоваго рабочаго дня или передачи рабочимъ ассоціаціямъ городскихъ работъ, было поднято возстаніе. Главнымъ въ немъ

была борьба съ версальскимъ собраніемъ и его правительствомъ, которыя не хотѣли объявить республику окончательной формой правленія, отказывали въ продленіи отсрочекъ по платежамъ, лишали безработныхъ получавшейся ими субсидіи. Движеніе до извѣстной степени было стихійнымъ, а тѣ люди, которые желали внести въ него больше сознательности, направлять его по опредѣленному руслу, понимали его задачи по разному. Парижъ, въ концѣ концовъ, очутился безъ прочной организаціи, безъ общаго плана дѣйствій, безъ единой основной идеи. Централистическое большинство коммуны, т. е. общиннаго совѣта, не сумѣло ни организовать дѣйствительную власть въ своей собственной средѣ, ни устранить конкуренцію съ этою властью захватовъ со стороны центральнаго комитета національной гвардіи и представлявшихъ его совѣтовъ легионовъ въ отдѣльныхъ районахъ столицы. Нерѣдко проявлялся вѣдомственный разбродъ, т. е. дѣятельность въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія дѣлами огромной столицы оказывалась недостаточно согласованной. Для замѣщенія многихъ важныхъ и отвѣтственныхъ должностей, требовавшихъ специальныхъ знаній и практической опытности, находилось мало подходящихъ кандидатовъ, ибо общій культурный уровень пролетаріата былъ въ общемъ очень невысокъ. Каждое вѣдомство стремилось къ полной независимости отъ какого бы то ни было подчиненія общей направляющей и объединяющей власти, и все зависѣло отъ лица, стоявшаго во главѣ вѣдомства. Въ хорошихъ рукахъ оказались финансы, монетный дворъ, интендантство, продовольствіе, почта. Особенно хорошо велъ дѣло простой бухгалтеръ Журдъ, ставшій министромъ финансовъ и вошедшій въ соглашеніе съ французскимъ банкомъ, который коммуна отказалась захватить, чтобы не обезцѣнить его билеты. Гораздо менѣе удачными были лица, завѣдывавшія префектурой полиціи и юстиціей. Первая находилась въ рукахъ Риго, который то и дѣло запрещалъ газеты, производилъ обыски и адреса, открывалъ мнимые заговоры, не обращая ни малѣйшаго вниманія на увѣщанія товарищей. Не лучше былъ и начальникъ правосудія, Прото, жаловавшійся, что Риго вторгается въ область его компетенціи, но и самъ мало церемонившійся съ индивидуальной свободою. По внѣшности, однако, въ городѣ все обстояло благополучно, и царилъ порядокъ: противъ кражъ и грабежа, противъ публичнаго пьянства и уличнаго разврата, противъ азартныхъ игръ были приняты самыя строгія мѣры.

Парижане думали укрѣпить свое положеніе и извѣтъ, поставивъ во главѣ вѣдшихъ сношеній Паскаля Груссе, которому, однако, ничего не удалось достигнуть. Иностранныя державы, къ которымъ онъ обращался, признали правительство Тьера и игнорировали всѣ обращенія къ нимъ Груссе. Сношенія съ провинціей тоже не налаживались: для нихъ у Груссе не было ни правильныхъ органовъ, ни средствъ, да и сама провинція относилась къ Парижу, возставшему противъ національной власти, съ крайнимъ недовѣріемъ. Правда, кое-гдѣ въ большихъ городахъ и рабочихъ центрахъ (въ Лионѣ, въ Тулузѣ, въ Марсели, въ Кресо, въ Сентъ-Этьенѣ) произошли сочувственныя Парижу народныя волненія и даже попытки устроить и у себя такія же коммуны, но вездѣ эти попытки скоро подавлялись. Не мало одиночество Парижа зависѣло отъ того, что во главѣ ея коммуны не было ни одного громкаго, всей Франціи болѣе или менѣе извѣстнаго имени, въ родѣ Виктора Гюго, Луи Блана, Гриви и т. п.

Между тѣмъ съ каждымъ днемъ между Парижемъ и Версалемъ вражда только усиливалась, пропасть дѣлалась и шире, и глубже, несмотря на то, что не было недостатка ни въ отдѣльныхъ лицахъ, ни въ цѣлыхъ общественныхъ организаціяхъ, хлопотавшихъ о примиреніи между Парижемъ и правительствомъ. Эти люди и организаціи проповѣдовали необходимость взаимныхъ уступокъ: національное собраніе приглашалось провозгласить республику и дать Парижу широкое самоуправленіе, который въ свою очередь приглашался прекратить сопротивленіе, отказавшись отъ менѣе важныхъ требованій. Ни та, ни другая сторона на уступки не шли, ибо въ собраніи господствовали монархисты, да и многіе республиканцы были противъ коммуны, а въ самой коммунѣ все болѣе и болѣе брали перевѣсъ болѣе крайніе члены (въ родѣ Феликса Пиа), по мѣрѣ того, какъ болѣе умѣренные ее покидали. Обѣ стороны, въ концѣ концовъ, готовились къ вооруженной борьбѣ, и дѣло окончилось дѣйствительно междоусобною войною.

Во главѣ правительственныхъ войскъ былъ поставленъ маршалъ Макъ-Магонъ, а эти войска увеличивались каждый день вслѣдствіе возвращенія изъ германскаго плѣна массы томившихся тамъ солдатъ. Всѣ они были крайне озлоблены противъ коммунаровъ, изъ-за которыхъ не могли быть распущены по домамъ послѣ тягостей войны и плѣна. Военное начальство подогрѣвало эту злобу, объясняя возстаніе, какъ стремленіе къ торжеству лѣни, разврата, грабежа и убійствъ,

въ то самое время, какъ враги находились еще здѣсь же, совсѣмъ близко, и злорадствовали по случаю этого междуусобія. Обѣ стороны, такимъ образомъ, обвиняли одна другую въ измѣнѣ отечеству и все болѣе одна противъ другой ожесточались. Защита Парижа организована была плохо. Въ самомъ началѣ возстанія центральный комитетъ національной гвардіи, поставивъ во главѣ военной силы Парижа нѣкоего Люлье, объявилъ свою задачу оконченной и назначилъ новые выборы, которые, однако, сразу произойти не могли. Выборъ Люлье, неизвѣстно за что попавшаго въ военачальники, оказался неудачнымъ. Это былъ человекъ весьма самоувѣренный, но мало способный, и задуманный имъ въ началѣ апрѣля походъ на Версаль окончился самымъ плачевнымъ образомъ. Делегатъ Коммуны въ военномъ министерствѣ Кюзере, не хотѣвшій слушаться Коммуны и самъ не сумѣвшій водворить дисциплину среди своихъ подчиненныхъ, былъ посаженъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ измѣнѣ, совершенно неосновательному. Между тѣмъ Версальцы подвергли Парижъ бомбардировкѣ, и въ это время образовался по примѣру 1793 г. Комитетъ общественнаго спасенія. Начальникомъ парижской вооруженной силы сдѣлался теперь бѣжавшій изъ германскаго плѣна инженеръ Россель, видѣвшій въ парижскомъ возстаніи лишь начало возобновленія войны съ пѣмцами и скоро своимъ властнымъ нравомъ вооружившій противъ себя и національную гвардію и Комитетъ общественнаго спасенія. Распря его съ Коммуной дошла до того, что ему пришлось спастись отъ ареста бѣгствомъ, хотя лишь для того, чтобы попасть въ плѣнъ въ версальцамъ и быть впоследствии казненнымъ. Въ преемники ему былъ назначенъ Делеклюзъ, человекъ безъ всякихъ военныхъ знаній, скоро объявившій, что «милитаризма довольно» и что никакого главнаго штаба не нужно, дабы предоставить дѣйствовать самому народу. Онъ совсѣмъ расплылъ военную силу Парижа и превратилъ защиту въ чисто партизанскую войну. Положеніе возставшаго города дѣлалось все хуже и хуже.

Уже было сказано, что въ самомъ началѣ возстанія было убито двое генераловъ. Въ отместку версальцы стали разстрѣливать тѣхъ изъ попадавшихъ въ плѣнъ инсургентовъ, въ которыхъ узнавали или только подозрѣвали дезертировъ, а иногда и другихъ плѣнныхъ. Коммуна отвѣтила на это декретомъ 5 апрѣля, по которому люди, уличенные въ сношеніяхъ съ Версалемъ, и военноплѣнные должны были становиться заложниками, изъ которыхъ по жребію должны были разстрѣ-

ливаться по три человѣка за каждаго разстрѣленнаго версальцами. Въ числѣ такихъ заложниковъ особенно было много духовныхъ лицъ и между ними архіепископъ парижскій Дарбуа, что указываетъ на антиклерикальный характеръ вождей движенія. Впрочемъ, Тьеру было предложено обвинять Дарбуа на Бланки, бывшаго подъ арестомъ у версальцевъ, но Тьеръ на это не согласился. Въ Комитетѣ общественнаго спасенія прямо заговорили о необходимости „рубить головы измѣнникамъ“, какъ то было въ эпоху террора первой революціи.

Конечно, въ Парижѣ было немало людей, которые тяготились положеніемъ, и нѣкоторые изъ нихъ тайно открыли однѣ городскія ворота передъ версальцами. Въ центрѣ Парижа, въ Тюйлерійскомъ саду, въ воскресенье 21 мая былъ грандіозный концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ борцовъ за Коммуну, когда уже цѣлая часть города была занята версальцами. Такъ началась „майская кровавая недѣля“, кончившаяся только въ слѣдующее воскресенье, т. е. 28 числа. Борьба на улицахъ Парижа съ обѣихъ сторонъ была беспощадной. Инсургенты вынуждены были отступать, строя баррикады и зажигая на пути отступленія общественныя зданія и частныя дома, въ томъ числѣ, наприм., Тюйлерійскій дворецъ, Ратушу и т. п. Пожары возникали и отъ бомбъ версальцевъ, а кромѣ того, высказывалось подозрѣніе, что кое-что подожгли и агенты старой власти, чтобы истребить огнемъ неудобные для нихъ документы. Плѣнные разстрѣливались, среди нихъ и женщины и даже дѣти; были подвергнуты разстрѣлу и заложники, въ томъ числѣ и архіепископъ Дарбуа. Всѣхъ похороненныхъ на парижскихъ кладбищахъ было 17 тысячъ, но бывали случаи, когда зарывали въ землю и на мѣстахъ разстрѣла. Число арестованныхъ въ ближайшіе два мѣсяца было до 45 т. человѣкъ и среди нихъ много женщинъ и дѣтей. Въ августѣ началась и военно-судебная расправа съ приговорами къ смертной казни, къ каторгѣ, къ ссылкѣ, въ тюрьмѣ. Всѣхъ приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ было около 13 тысячъ человѣкъ, а смертныхъ приговоровъ вынесено военными судами болѣе двухсотъ. Очень многіе спаслись бѣгствомъ за границу. Уже въ концѣ мая въ Парижѣ были введены всѣ строгости осаднаго положенія,

Коммуна 1871 г. вызвала во Франціи такую же реакцію, какъ и терроръ 1793 г. и красное знамя іюньскихъ дней 1848 г. Она была осуждена большею частью и французской и иностранной печати, но въ то же время лишь за нѣкоторыми исключеніями газеты порицали неумолимую жестокость по-

давленія возстанія. Вся вина за происшедшее сваливалась на социализмъ и особенно на Интернаціональ.

О революціи 18 марта, какъ иногда называютъ парижское возстаніе 1871 г., писано было довольно много: есть о ней воспоминанія современниковъ и участниковъ, есть отдѣльные историческія изложенія и публицистическія разсужденія, есть главы или параграфы въ общихъ трудахъ объ эпохѣ и т. п. Среди всего, что написано о Парижской Коммунѣ, мы найдемъ и страстные обвинительные акты, и убѣжденные апологіи, если не панегирики, и попытки объективнаго историческаго изученія, имѣющія въ виду не столько что-либо доказать или извлечь какой-либо практической урокъ, сколько разсказать то, что было, какъ оно было, объяснить, почему такъ случилось и что отсюда вышло, не беря на себя задачи либо все чернить, либо все обѣлять. Не всѣ, кто только писалъ о Парижской Коммунѣ, связывали ее исключительно съ социализмомъ. Нѣкоторые видѣли въ движеніи проявленіе патриотизма, оскорбленнаго позорнымъ миромъ, опасенія за республику, которое внушалось реакціонностью національнаго собранія, раздраженія, вызваннаго тяжелыми матеріальными условіями жизни. Жестокость усмиренія они объясняютъ не классовой мстительностью имущихъ классовъ за социалистическія стремленія Коммуны, а взрывомъ негодованія на часть націи, возставшую противъ всей націи, притомъ въ присутствіи иностранцевъ. Но и тѣ писатели, которые въ своихъ сужденіяхъ о Коммунѣ выдвигаютъ на первый планъ ея значеніе въ исторіи социализма, соглашаются, что движеніе было болѣе сложнымъ, и что въ немъ принимали участіе люди самыхъ несходныхъ направленій. Наприм., для Маркса „истинными представителями» Коммуны, въ которой самъ онъ видѣлъ прообразъ будущаго строя, являлись только члены Интернаціонала, но рядомъ съ ними, говоритъ онъ, играли большую роль „герои прежнихъ революцій» и разные „пустые крикуны“, иногда даже становившіеся во главѣ движенія. Во всякомъ случаѣ, единаго руководящаго принципа въ немъ не было. Извѣстныя идеи, подъ знаменемъ которыхъ оно шло, прямо вырабатывались только по мѣрѣ хода событій и дѣлались нерѣдко лишь лозунгомъ для послѣдующихъ поколѣній.

Социалистической историкъ Коммуны Дюбрейль, книга котораго есть и въ русскомъ переводѣ, вездѣ даже подчеркиваетъ, что „Коммуна при своемъ возникновеніи явилась движеніемъ поразительно спутаннымъ и смутнымъ“, и что потому ее воз-

можно характеризовать весьма различно и иной раз очень противорѣчиво. Коммуна несомнѣнно была пролетарской, но, говорит тотъ же Дюбрейль, „пролетаріатъ былъ еще недостаточно образованъ и организованъ, еще черезчуръ былъ во власти невѣжества и бессознательности“, и «въ массѣ рабочіе съ трудомъ усваивали возможность общественнаго строя, покоящагося не на традиціонныхъ началахъ». Даже вожди въ своихъ заявленіяхъ и распоряженіяхъ проявляли мало социалистичности, и „въ сущности, прибавляетъ онъ, Коммуна не оставила ничего такого, что давало бы невѣждѣ и доктринеру право сказать: Коммуна была социалистическая, доказательствомъ чему служатъ такой-то декретъ, такіа-то соображенія, такіа-то утвержденія, въ которыхъ я нахожу обычныя формулы и афоризмы социализма“.

Такой взглядъ на Коммуну могъ образоваться лишь на разстояніи нѣкотораго времени, т. е. въ началѣ XX вѣка, когда дѣйствительно и написалъ свою книгу Дюбрейль. Раньше паденіе Коммуны склонны были объяснять исключительно побѣдою одной вышней силы, бывшей на сторонѣ стараго строя, надъ революціей, въ которой, какъ выражается Марксъ, „рабочій классъ былъ открыто признанъ единственнымъ классомъ, способнымъ къ общественной инициативѣ, признанъ мелкими торговцами и ремесленниками“.

Если неправильно думать, что коммунары были сознательными социалистами, планомерно осуществлявшими новый общественный строй, то столь же несправедливо утверждать, какъ это дѣлали реакціонные публицисты, что все это были бездѣльники, не хотѣвшіе работать, грабители и разбойники. Преступные элементы всегда примазываются къ народнымъ движеніямъ, подобнымъ тому, которое происходило въ Парижѣ весной 1871 года, но на сей разъ они во всякомъ случаѣ составляли меньшинство среди осужденныхъ за участіе въ возстаніи. По официальному отчету о возстаніи, вышедшему въ свѣтъ въ 1875 г., среди 13 тысячъ приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ было лишь менѣ двухъ съ половиною лицъ съ прежнею судимостью, т. е. менѣ одной пятой. Скорѣе по поводу коммунаровъ приходится говорить о нервной неуравновѣшанности, объ истеричности, о психозѣ, бывшихъ результатомъ тяжелыхъ переживаній осени и зимы того года. Война, осада и бомбардировка города нѣмцами, постоянное недоѣданіе, потомъ капитуляція Парижа, позорныя условія мира, реакціонное настроеніе національнаго собранія выбили парижскій

рабочій классъ изъ обычной колеи, и нѣтъ надобности прибѣгать къ гипотезѣ чрезмѣрнаго пьянства, чтобы объяснить повышенную нервную возбудимость парижскихъ рабочихъ въ началѣ 1871 года. Какъ разъ внѣшній порядокъ царилъ въ городѣ за все время Коммуны, и пьянство прямо каралось, а на углахъ площадей и улицъ красовались плакаты съ надписью: «смерть вора́мъ».

Однимъ словомъ, въ своей массѣ коммунары были ни сознательными социалистами, ни подонками общества, какъ ихъ иногда пытаются изобразить сторонники и противники движенія. Это былъ самый обыкновенный трудовой народъ, бѣдствовавшій отъ лишеній и безработицы, выбитый и психически изъ обычной колеи, взявшійся за оружіе во имя оскорбленнаго патриотизма, во имя угрожаемой республики, во имя элементарной справедливости, но не имѣвшій никакой политической идеи, которая его объединяла бы, никакой социальной программы, которую онъ думалъ бы планомерно осуществить. Со своими лозунгами къ нему приходили люди разныхъ политическихъ и социальныхъ доктринъ: централисты и федералисты, бланкисты, мутуалисты (послѣдователи Прудона), члены Интернаціонала, но разному понимавшіе, однако, задачу момента. Народъ шелъ за одними, шелъ и за другими, но въ немъ самомъ не было ни яснаго самосознанія, ни практической подготовки въ профессиональныхъ и кооперативныхъ организаціяхъ. Задача, взятая имъ на себя, оказалась ему не по плечу, и въ этомъ заключалась внутренняя причина неудачи движенія. Если разсматривать Коммуну, какъ опытъ диктатуры пролетаріата, онъ оказался неудачнымъ: рабочій классъ Парижа былъ далеко не на высотѣ задачи, да и ставилъ ли онъ себѣ весь, взятый въ своемъ цѣломъ, именно такую задачу? Сами сторонники указанной диктатуры соглашались, что предпріятіе было преждевременнымъ, но, въ сущности, тутъ и предпріятія-то по настоящему не было: движеніе было вызвано особымъ стеченіемъ обстоятельствъ и было во многихъ отношеніяхъ совершенно стихійнымъ. Исторіи только нужно разобраться, почему оно возникло и почему такъ окончилось, не дѣлая предположеній о томъ, что та или другая изъ его пѣлей и была истинной, всѣ же остальные — только призраками.

03069363

ЮФ СПбГУ